

Является ли объяснение феноменального сознания сложной проблемой?

Пытаясь ответить на вопрос о сознании, мы сталкиваемся с вызовом эпифеноменализма. Не вдаваясь в анализ дискуссий сторонников и противников эпифеноменализма, отмечу лишь, что стандартное возражение против этой теории сознания строится по следующей схеме. Тот, кто стремится показать, какую функцию выполняет в нашем организме сознание, рассматривает случаи его отсутствия и, отмечая соответствующие изъяны в поведении человека, делает выводы о том, что приносит в нашу жизнь сознание. Однако, как продемонстрировал Блок, такой способ рассуждения является ошибочным.

Ошибка, по мнению Блока, заключается, прежде всего, в том, что рассуждающие таким образом философы не проводят различие между двумя типами сознания. Смешение двух видов сознания приводит к тому, что функция одного вида сознания неоправданно распространяется на весь сознательный опыт, и отсутствие этого вида сознания принимается за свидетельство того, что субъект находится в бессознательном состоянии. В результате всего этого действительно сложный элемент психической жизни может остаться без внимания.

По мнению Блока, чтобы избежать подобного смешения, мы должны выделять следующие два вида сознания: феноменальное сознание (Phenomenal Consciousness) и доступное сознание (Access Consciousness). Блок обозначает их как P-consciousness (Ф-сознание) и A-consciousness (Д-сознание).

Блок следующим образом задает парадигмальные примеры феноменального сознания:

Мы обладаем Ф-сознательными состояниями, когда смотрим, слышим, нюхаем, пробуем на вкус, испытываем боль. Ф-сознательные свойства включают такие экспериенциальные свойства, как ощущения, чувства и восприятия, но я также включил бы сюда мысли, желания и эмоции [1, с. 380].

По мнению Блока, феноменальные сознательные свойства должны быть отличны от когнитивных, интенциональных и функциональных ментальных свойств, т.е. феноменальное сознание должно отличаться от мыслительной, по преимуществу, активности, репрезентирующей какие-либо объекты и описываемой в терминах вычислительных процессов. Как противоположность феноменальному сознанию, сознание с подобными характеристиками фиксируется Блоком в понятии доступного сознания:

Состояние является Д-сознательным, если оно достигает уровня, необходимого для непосредственного контроля за мыслями и действиями. Более детально, некая ментальная репрезентация является Д-сознательной, если она достигает уровня, необходимого для беспрепятственного использования в процессе размышления и для непосредственного «рационального» контроля за действиями и речью [1, с. 382].

Парадигмальными примерами Д-сознания являются мысли, мнения, желания — т.е. состояния, которые представляют определенным образом какое-либо содержание.

Задав эти два вида сознания, Блок следующим образом демонстрирует те трудности, с которыми сталкиваются исследователи, пытающиеся выявить основные функции сознания. Как отмечает Блок, по сути, все теории дают объяснение сознания в

аспекте его информационно-процессуальных свойств, т.е. объясняется Д-сознание. Поскольку этот тип сознания представляется, прежде всего, как процесс обработки информации, объяснение этого сознания не является сложной проблемой для различного рода когнитивистских и функционалистских методологий.

В отличие от объяснения Д-сознания объяснение Ф-сознания является действительно сложной проблемой. Прежде всего, непростой задачей оказывается определение функций самого феноменального сознания. Пытаясь выявить функции Ф-сознания, мы смотрим на ситуации дефицита сознания у какого-либо пациента с тем, чтобы определить, что именно утрачивает этот субъект по сравнению с нормальным человеком. Однако, как правило, в ситуациях отсутствия Ф-сознания отсутствует и Д-сознание. В свою очередь, это значит, что мы не можем наверняка утверждать, что те функции, которые мы приписываем, например, феноменальному сознанию, действительно принадлежат ему, а не другому виду сознания. Однако, если Блок прав и мы действительно оказываемся в подобной ситуации, то это значит, что эпифеноменализм в отношении феноменального сознания в принципе возможен.

Поскольку Блок отмечает, что оба вида сознания присутствуют и отсутствуют одновременно, что затрудняет определение функций Ф-сознания, постольку для обоснования разделения сознания на эти два вида ему необходимо, прежде всего, продемонстрировать возможность наличия Д-сознания без Ф-сознания. Затем ему нужно показать, что Ф-сознание не является специальным случаем Д-сознания, т.е. нужно привести примеры Ф-сознания без Д-сознания. Однако, пытаясь выполнить первую задачу, т.е. продемонстрировать концептуальную возможность Д-сознания без Ф-сознания, Блок фактически сталкивается с необходимостью допустить концептуальную возможность зомби — существ, функционирующих подобно обычным людям, но лишенных феноменального сознания.

По мнению Фланагана, феномен слепого зрения являются хорошим примером наличия Д-сознания без Ф-сознания [4]. Фланаган использует для описания этой ситуации свои термины: информационная чувствительность (*informational sensitivity*) и экспериенциальная чувствительность (*experiential sensitivity*). Например, пациент со слепым полем зрения, обладая информационной чувствительностью, способен зарегистрировать присутствие какого-либо объекта в этом поле зрения и дать правильный ответ. Однако в отличие от обычного человека у него отсутствует экспериенциальная чувствительность, которая позволила бы ему говорить о том, каково это для него — воспринимать данный предмет. Можно сказать, что подобный субъект будет обладать знанием без феноменальной осведомленности о нем. По мнению Фланагана, такой случай является примером реальной возможности зомби.

Согласно Блоку, такой вывод не справедлив. Дело в том, что в подобных случаях мы имеем дело с людьми, которые как раз не подобны функционально обычным людям. Нельзя сказать, что у них отсутствует только феноменальное сознание, как полагает Фланаган. У них также отсутствует Д-сознание. Фланаган не прав, отождествляя свое понятие информационной чувствительности с понятием доступного сознания. Блок не спорит с тем, что, например, пациент со слепым полем зрения обладает какой-то информацией или информационной чувствительностью. Однако он не обладает такой информацией, которая позволила бы ему действовать подобно полноценному человеку, т.е. такая информация для него недоступна. Способность давать правильные ответы, находясь в простых условиях эксперимента, когда человека специально просят выбрать из двух вариантов, не свидетельствует о наличии у него Д-сознания. В ситуации отсутствия подсказки пациент ведет себя как обычный слепой человек.

Ситуация наличия информационной чувствительности без экспериенциальной чувствительности не тождественна ситуации наличия Д-сознания без Ф-сознания. Прежде всего, те два вида сенситивности, о которых пишет Фланаган, не являются

ся двумя видами сознания. Это, скорее, два отдельных когнитивных механизма в структуре единого сознания. Каждый из этих механизмов выполняет определенную функцию. Отсутствие одного из них влечет ухудшение функционирования всей сферы психического. Более того, наблюдая за тем, что изменяется в функционировании психики в отсутствие, например, экспериенциальной составляющей, мы можем сказать, какую функцию выполняет этот вид сенситивности.

Таким образом, допустить наличие информационной сенситивности без экспериенциальной не означает признать возможность зомби. Зомби — это существа подобные нам во всем функционально, но без феноменального сознания. Это значит, что феноменальное сознание не является какой-то частью единого сознания, которая выполняет определенную функцию. Это именно отдельное сознание. Признать его наличие, т.е. показать возможность Д-сознания без Ф-сознания фактически означает допустить эпифеноменализм. Именно этой позиции пытался избежать Фланаган, вводя два вида чувствительности и стремясь показать, что мы *можем* выявить функции экспериенциальной чувствительности. Однако, вводя новые понятия, он фактически начинает рассматривать иную ситуацию, которая не является сколько-нибудь сложной.

В подобной ситуации оказываются все, кто пытается проинтерпретировать Д-сознание как отдельный когнитивный механизм. Подобного рода различения Д-сознания и Ф-сознания Блок называет тривиальными. При такой трактовке этих понятий объяснение функций Ф-сознания не представляет особой сложности. Достаточно зафиксировать, *что* функционально утрачивается в ситуации отсутствия феноменального сознания.

В каком-то смысле Блок сам способствует подобной тривиализации различения данных видов сознания, когда указывает на то, что, по его мнению, является парадигмальными примерами Д-сознательных состояний (мысли, мнения, желания). Чтобы избежать возможной тривиализации вводимого различения, необходимо, на мой взгляд, представить Д-сознательные состояния просто как репрезентативные состояния, содержание которых может быть выражено пропозицией. Эти состояния не обязательно должны быть мыслями, мнениями или желаниями. Любая информация, даже та, которую несет какое-либо феноменальное состояние, оказываясь доступной для исполнительской системы, становится Д-сознательным состоянием. В случае с зомби подобные сознательные состояния будут лишены феноменального аспекта.

Другое, удачное, на мой взгляд, предложение, как избежать тривиализации различения двух видов сознания, сделал Чалмерс [2]. Чалмерс предлагает так переопределить Д-сознание, чтобы Д-сознание и Ф-сознание, будучи разными видами сознания, всегда встречались вместе. Для этого он предлагает рассматривать в качестве Д-сознательных состояний не ту информацию, которая доступна для управления мышлением и поведением в данный момент, а любую информацию, в принципе доступную (available) для управления любым поведением, в том числе рациональным. Фактически доступность (availability) подобных ментальных состояний при таком переопределении становится диспозициональным свойством. Д-сознание, представленное как информационные процессы, в принципе доступные для управления широким спектром поведенческих реакций, объясняет функционирование всей сферы психического, а не какого-то одного когнитивного модуля. При таком понимании Д-сознания выделение двух видов сознания действительно становится нетривиальным, и, по сути, оно изначально предполагает допущение эпифеноменализма, которое базируется на представимости Д-сознания без Ф-сознания.

Однако представимо ли такое Д-сознание без Ф-сознания? Иначе говоря, возможно ли, чтобы мы, полностью описав функционирование всей сферы психического, тем не менее, упустили феноменальные аспекты психики? Чалмерс полагает, что представить такую ситуацию значит представить зомби, что, по его

мнению, вполне возможно. Блок также допускает концептуальную возможность Д-сознания без Ф-сознания. Однако он простит представить не зомби, а особых супер-слепозрячих пациентов (*super-blindsight*), т.е. таких пациентов, которые не нуждаются в подсказках в виде наводящих альтернативных вопросов для того, чтобы определить, что находится перед ними. Их способности распознавать объекты окружающего мира развиты настолько, что они могут ориентироваться в этом мире подобно обычным людям. Однако при этом они продолжают заявлять, подобно остальным пациентам со слепым полем зрения, что ничего не видят. По мнению Блока, представить такую ситуацию не значит признать, что имеются реальные случаи наличия Д-сознания без Ф-сознания. Однако концептуальная возможность такой ситуации имеется.

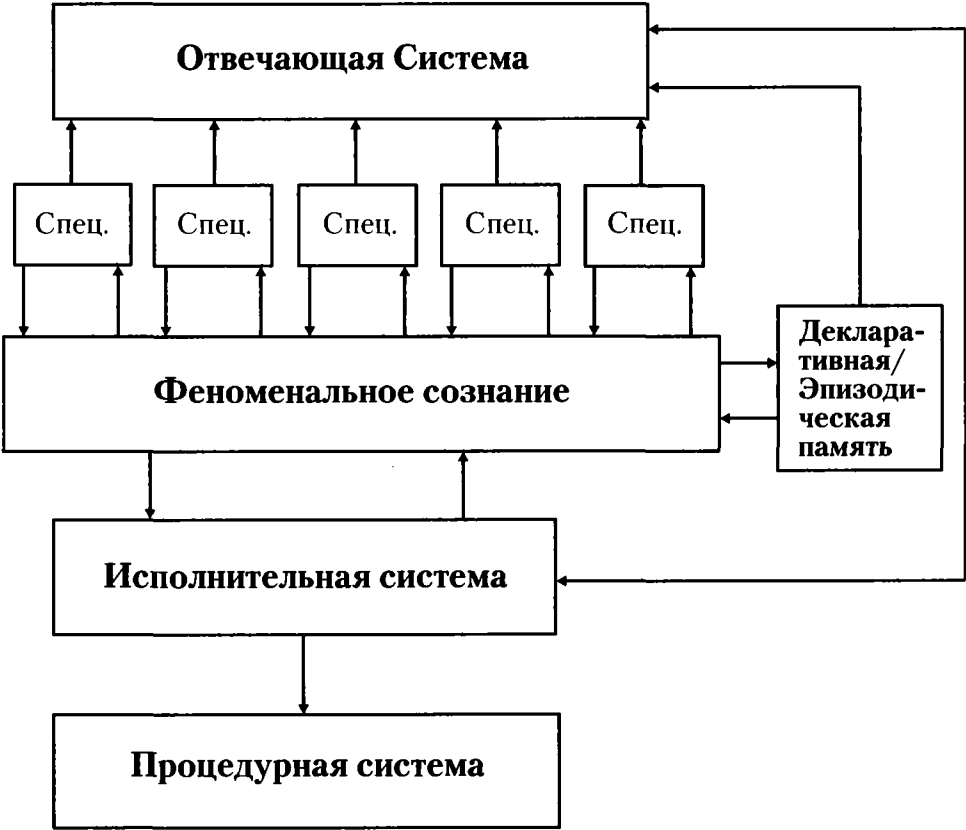
По мысли Блока и Чалмерса, представимость данной ситуации обуславливает введение понятия феноменального сознания, обозначающего особый вид сознания, отличный от того, который обозначается понятием доступного сознания. По сути, здесь предлагается следующее рассуждение формы *modus ponens*. Если возможно в принципе полностью объяснить функционирование всей сферы психического, но при этом не затронуть феноменальные аспекты психики, то данные аспекты фактически представляют собой особый нефункциональный вид сознания. Представимо, что полное объяснение психики с точки зрения ее функционирования может упустить феноменальные аспекты психики, поскольку зомби представимы. Следовательно, полное описание психики предполагает допущение существования особого нефункционального вида сознания, каковым является феноменальное сознание.

Несомненно, что данное рассуждение является правильным, и вывод с необходимостью следует из посылок. Однако означает ли это, что мы обязаны его принимать? Я полагаю, что если бы вторая посылка действительно имела бы такую убедительную силу, которую имеют высказывания, описывающие несомненные факты, то нам следовало бы принять заключение. Однако то, что утверждается в антецеденте условного высказывания, не является очевидным. Более того, мы можем атаковать вторую посылку, отказываясь признавать существование феноменального сознания. Иначе говоря, против рассуждения эпифеноменалистов мы можем выдвинуть рассуждение формы *modus tollens*. Принимая условное высказывание, в качестве второй посылки мы используем отрицание консеквента этого высказывания: не верно, что существует особый вид сознания, который был бы необъясним функционально. Следовательно, не верно, что представима такая ситуация, когда мы дали бы полное функциональное объяснение всей сферы психических феноменов, но при этом упустили бы феноменальные аспекты психики. Иначе говоря, зомби непредставимы.

Как мне кажется, именно такой путь выбирает Деннет, полемизируя с Блоком [3]. Отказываясь принимать феноменальное сознание как особый вид сознания, Деннет подвергает сомнению представимость зомби, т.е. представимость существ, которые во всем тождественны обычным людям за исключением того, что у них отсутствует феноменальное сознание. Подвергая сомнению представимость зомби, он перекладывает бремя доказательства того, что это представимо, на Блока. По сути, Деннет спрашивает Блока, как это возможно — представить существо, полностью тождественное обычному человеку, однако, без феноменального сознания. Что это значило бы? Кажется, что мы сталкиваемся здесь с какой-то формой бессмысленности. Например, представим, что супер-слепозрячий пациент в подробностях описывает нам, что видит на экране компьютера букву Х, набранную курсивом, шрифт буквы — Times New Roman, высота — около двух дюймов, цвет — ярко-оранжевый на голубом фоне и т.д. После всего этого он заявляет, что на самом деле он не видит эту букву, не воспринимает ее так, как видит на нормальном участке поля зрения, при

этом его описание того, как он воспринимает эту букву на нормальном участке зрения, полностью совпадает с предыдущим описанием. Услышав подобное заявление, мы, вероятно, спросим себя, что он имеет в виду. В данном случае у нас не больше оснований доверять сказанному пациентом, чем в случае, когда он стал бы уверять нас, что обладает феноменальным сознанием, но при этом все, что он мог бы сказать о воспринимаемом объекте на экране, сводилось бы к тому, что это — X, а не O. Таким образом, мы не можем принять слова пациента в качестве решающего свидетельства. Что еще могло бы заставить нас подумать, что у человека отсутствует какой-то вид сознания, если он говорит, думает, действует, реагирует на окружающий мир, так же как и обычный человек?

Кажется, мы не можем представить Д-сознание без Ф-сознания. Что насчет ситуаций наличия Ф-сознания без Д-сознания? Отталкиваясь от схемы, предложенной Шактером [5], Блок пытается представить наличие Ф-сознания без Д-сознания как ситуацию, когда информация из блока феноменального сознания не достигает блока исполнительной системы или способность исполнительной системы управлять мышлением и поведением в силу каких-либо причин ограничена. Фактически феноменальное сознание предстает как фоновое сознание. Оставаясь недоступным для рационального осознания, оно, тем не менее, сознается, более того, оно насыщает нашу жизнь различного рода оттенками, ароматами, делая наш опыт *каким-то*, формируя его качественные аспекты. Если мы согласны, что такого рода сознание возможно, то, по-видимому, нам следует принять и тезис, что наличие этого сознания возможно в ситуации отсутствия Д-сознания.

Однако, очевидно, что подобное различие феноменального и доступного сознания уже не является нетривиальным. Таким образом представленное феноменальное сознание уже не является эпифеноменом. По сути, оно является такого же рода информационными процессами, которыми является и доступное сознание.

По мнению Деннета, для объяснения феноменального сознания мы не нуждаемся в качественных понятиях, достаточно использовать такие количественные понятия, как «богатство содержания» и «степень влияния». Иначе говоря, феноменальное сознание не является особым видом сознания. Вообще, не существует нескольких видов сознательных состояний. Скорее, состояния сознания следует различать по тому, какое влияние они способны оказать в системе других ментальных состояний и насколько богатым содержанием они обладают.

Я полагаю, можно согласиться с Деннетом в том, что вопрос о феноменальном сознании — это не вопрос о наличии или отсутствии особого вида сознания, а всего лишь вопрос того, насколько содержательными и влиятельными оказываются наличествующие ментальные состояния. Однако я предлагаю рассматривать доступное сознание так, как это делал Чалмерс, т.е. понимая под этим те информационные процессы, которые находятся в *глобальном рабочем пространстве* (термин Баарса), которые обладают диспозициональным свойством быть глобально доступными для управления широким спектром реакций. Фактически можно представить феноменальные сознательные состояния как информационные состояния с достаточно богатым содержанием, достигшие определенного уровня интегрированности с другими информационными состояниями.

Понимая феноменальное сознание таким образом, мы избегаем картезианского модуляризма, т.е. мы можем исключить из схемы, используемой Блоком, модуль феноменального сознания. Фактически это необходимо сделать, если мы отождествили Д-сознание и Ф-сознание. Ведь на схеме, предложенной Блоком, Д-сознание не представлено отдельным блоком, поскольку оно характеризуется информационными связями, устанавливаемыми между остальными блоками единой когнитивной системы. Как мне кажется, наличие феноменального сознания может быть объяснено уровнем интегрированности тех процессов, которые имеются в когнитивной системе. Если взаимодействие информационных процессов вырастает до определенного уровня сложности, то можно говорить о присутствии феноменального сознания. Убирая из схемы блок феноменального сознания, мы отводим особую роль в функционировании когнитивной системы специализированным модулям. Отсутствие достаточной интегрированности с остальным информационным пространством содержания, репрезентируемого каждым из модулей, объясняет наблюдаемый в той или иной области дефицит сознания.

Литература:

1. *Block N.* On a Confusion About a Function of Consciousness // *The Nature of Consciousness*. Cambridge, Massachusetts, 1997.
2. *Chalmers D.* Availability: The Cognitive Basis of Experience? // *The Nature of Consciousness*. Cambridge, Massachusetts, 1997.
3. *Dennett D.* The Path Not Taken // *The Nature of Consciousness*. Cambridge, Massachusetts, 1997.
4. *Flanagan O.* Conscious Inessentialism and the Epiphenomenal Suspicion // *The Nature of Consciousness*. Cambridge, Massachusetts, 1997.
5. *Schacter D.L., McAndrews M.P., Moscovitch M.* Access to consciousness: Dissociations between implicit and explicit knowledge in neurological syndromes // *Thought without language*. Oxford: Oxford University Press, 1988.